

Спасский Григорий Иванович

**О достопримечательнейших
памятниках сибирских
древностей и сходстве
некоторых из них с
великорусскими**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г83

Г83   **Григорий Иванович С.**
О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве
некоторых из них с великорусскими / Спасский Григорий Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 88 с.

ISBN 978-5-519-75061-5

ISBN 978-5-519-75061-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

деніемъ своимъ, они, въ то же время, для суевѣрныхъ туземцевъ, служатъ одни — предметами обожанія, другіе — боязни, какъ дѣло злыхъ духовъ.

Въ давнее пребываніе свое въ Сибиря, я, по возможности, старался собирать свѣдѣнія о всѣхъ исчисленныхъ здѣсь памятникахъ древности и пріобрѣтать точныя изображенія тѣхъ изъ нихъ, которые почему-нибудь особенно замѣчательны. Возвратясь потомъ въ С. Петербургъ, въ предпринятомъ и издававшемся тогда мною «Сибирскомъ Вѣстникѣ», все это сообщалъ я въ особыхъ статьяхъ, подъ рубрикою «Записки о Сибирскихъ древностяхъ» (1818 г. Ч. I, стр. 67 — 83, Ч. II, стр. 147 — 177, Ч. VII, стр. 1—28, гдѣ, на XII таблицахъ, помѣщены и рисунки). Покойный государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцовъ, по просвѣщенной своей любви ко всему отечественному, не оставилъ безъ вниманія и этотъ трудъ мой. Находя особенно любопытными древнія начертанія и надписи и предвидя нѣкоторую надежду къ скорѣйшему ихъ разъясненію, онъ пожелалъ, чтобы я для него на первый разъ составилъ о нихъ только извлеченіе изъ «Записокъ», что и было мною исполнено.

Въ то же время, по распоряженію графа Н. П. Румянцева, покойный академикъ Фил. Ив. Кругъ сдѣланное мною извлеченіе перевелъ на латинскій языкъ и, съ принадлежащими къ тому VII таблицами рисунковъ, издалъ особою книжкою, подъ заглавіемъ: *Inscriptiones Sibiricae. De antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis, scripsit Gregorius Spassky, Imperiali Academiae Petropolitanae litterarum commercio junctus, Petropoli* 1822. Книжка эта разослана была къ нѣкоторымъ изъ нашихъ и иностранныхъ ученыхъ. Сужденія ихъ по этому предмету будутъ мною сообщены далѣе. Въ бытность въ С.-Петербургѣ знаменитаго барона А. Гумбольдта, при отправленіи его въ путешествіе по Средней Азіи и Сибири, представилъ я и ему книжку, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими издаванными мною на русскомъ языкѣ, и удостоился получить отъ него слѣдующій собственноручный отзывъ:

Monsieur!

Veillez bien agréer, Monsieur, l'expression de ma vive reconnaissance pour l'intéressant et instructif envoi que je dois à Votre bienveillance. Il serait à désirer que Vos occupations administratives puissent Vous laisser plus de temps de poursuivre une carrière si glorieusement ouverte par Vos recherches sur les monumens des peuples sibériens.

Je suis avec la plus haute considération

Monsieur

Votre très humble et très obeissant serviteur
(signé) Al. Humboldt.

St.-Petersbourg, à Samedi

41 décembre
29 novembre 1829.

à M. l'Oberberghauptmann de Spassky.

Такое снисходительное вниманіе ученѣйшихъ мужей къ слабымъ, хотя и усерднымъ, моимъ трудамъ и, въ особенности, выраженное въ этомъ письмѣ желаніе одного изъ великихъ поборниковъ науки о неослабномъ продолженіи изысканій моихъ надъ памятниками сибирскихъ народовъ, не могли не возбудить во мнѣ новыхъ силъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ избраннаго мною предмета. Съ тѣхъ-поръ я не переставалъ слѣдить за всѣми, касающимися Сибири, изданіями и былъ въ непрерывномъ съ нею сношеніи, посредствомъ постоянной переписки съ любознательными лицами и старинными моими знакомыми. Не могу не упомянуть здѣсь съ душевною признательностію о г. енисейскомъ гражданскомъ губернаторѣ В. К. Падалкѣ, доставившемъ мнѣ нѣкоторые изъ сообщаемыхъ теперь рисунковъ, и о служащемъ подъ его начальствомъ князѣ Н. А. Костровѣ, снабдившемъ меня разными дополнительными о сибирскихъ памятникахъ свѣдѣніями.

Такимъ образомъ, запасаясь общими мнѣ, равно какъ и прежде полученными мною, лично, на самомъ мѣстѣ, свѣдѣніями, я имѣлъ случай ко всему тому, что относительно кургановъ, начертаній и надписей было мною издано, присоединить новые факты и много данныхъ, служащихъ къ большому развитію или пополненію прежнихъ моихъ изысканій. Поѣздка въ Крымъ и почти четырехлѣтнее мое тамъ пребываніе доставили мнѣ средства обозрѣть многіе курганы Новороссійскаго-Края. Внимательное

наблюденіе и сравненіе этихъ памятниковъ привели меня къ мысли о тождествѣ ихъ съ прежде-видѣнными мною въ Сибирѣ. По-крайней мѣрѣ, я нахожусь теперь въ полномъ убѣжденіи, что въ сооруженіи тѣхъ и другихъ кургановъ, строители ихъ руководствовались одинаковою мыслью.

Недавно обнаруженныя гг. Гревингомъ и Шведомъ группы начертаній, снятыхъ съ прибрежныхъ скалъ восточной части Онежскаго-Озера, также сходны съ тѣми сибирскими начертаніями, которыхъ изображенія первый находилъ у Страленберга и въ моихъ «*Inscriptiones Sibiriacae*». Но еще большее сходство открывается между онежскими начертаніями и прилагаемыми къ настоящему сочиненію, вновь открытыми въ Сибирѣ. Этотъ фактъ, кажется, вполне свидѣтельствуетъ объ этнологическомъ сближеніи древней Руси съ отдаленною и такъ долго невѣдомою Сибирью.

По особенной важности кургановъ, начертаній и подписей, противъ другихъ, прежде мною описанныхъ и изданныхъ, древностей, я ограничиваюсь только первыми и въ прилагаемомъ теперь сочиненіи, подъ заглавіемъ: «О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ сибирскихъ древностей и сходствѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ великорусскими». Нельзя не желать, чтобы этотъ послѣдній трудъ мой сколько-нибудь могъ напутствовать къ новымъ подобнаго рода открытіямъ и историко-географическимъ выводамъ.

Для лучшаго достиженія подобной цѣли, я принялъ смѣлость посвятить это сочиненіе Императорскому Русскому Географическому Обществу. Лишу себя надеждою, что оно не будетъ лишено благосклоннаго его вниманія, если не по достоинству своему, то по неуклоненію отъ цѣлей Общества, заключаая въ себѣ свѣдѣнія, не совсѣмъ чуждыя ни географіи, ни этнографіи, составляющихъ главные предметы его дѣятельности.

І. КУРГАНЫ.

Памятники древности, извѣстные подъ именемъ кургановъ, разсѣяны на всемъ пространствѣ Сибири почти до 55° широты, по долготѣ же—на востокъ до Охотскаго Моря, а на западъ до самой оконечности Сибири; далѣе по Уралу, Камѣ, Волгѣ и прочимъ соединеннымъ съ ними рѣкамъ, до морей Азовскаго и Чернаго, равно какъ и по степямъ днѣпровскимъ.

Курганы, находящіеся въ южной Сибири, особенно въ окрестностяхъ Алтайскихъ и Саянскихъ Горъ, по верховьямъ Оби и Енисея, представляютъ иногда на своей поверхности, кромѣ земляныхъ насыпей, обстановленныхъ почти всегда каменными плитами, грубыя изваянія изъ камня, изображающія людей, преимущественно мужескаго пола. По мѣрѣ удаленія отсюда, изваянія эти встрѣчаются рѣже и начинаютъ показываться, даже въ бѣльшемъ числѣ и развитіи, не прежде какъ у Азовскаго Моря, свидѣтельствуя, что народъ, ихъ соорудившій, какъ будто бы ближайшія къ Сибири мѣста прошелъ лишь мимоходомъ, а на отдаленныхъ отъ нея держался долгое время, и притомъ осѣдло. Здѣсь самыя эти изваянія отличаются отъ сибирскихъ болѣе тщательною отдѣлкою, такъ-что въ нихъ легко можно распознавать типъ народа, пропорцію членовъ, равно одежду и украшенія обоихъ половъ. Еще Амміанъ Мар-

целинѣ, упоминая о статуяхъ, находящихся на прибрежьяхъ [✓] Евксинскаго Понта, видѣлъ типъ Гунновъ въ лицахъ этихъ статуй ¹⁾. Изъ позднѣйшихъ писателей, Палласъ того же мнѣнія, и думаетъ, что подъ именемъ Гунновъ былъ извѣстенъ народъ монгольскаго племени и не иной, какъ орда Элетовъ, по преданію Калмыковъ, издавна удалившаяся на западъ ²⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, однородность Гунновъ съ Монголами, или все равно съ Калмыками, и пребываніе ихъ въ Сибири, подтверждаютъ и китайскіе лѣтописцы. Такъ-какъ въ новѣйшее время нѣкоторые изъ европейскихъ ученыхъ начали причислять этотъ народъ къ финскому племени и выводить его съ Волги и Урала ³⁾, то нелишнимъ, кажется, будетъ включить здѣсь самый рассказъ о томъ Китайцевъ, заимствуемый сокращенно изъ полученнаго мною отъ покойнаго О. Іакинѣа рукописнаго перевода съ китайскаго текста. Вотъ что говорятъ Китайцы:

«Монголы (слишкомъ за два вѣка до нашего счисленія) раздѣлялись на двѣ отрасли: западную — Хунну и восточную — Дунъ-ху. Западная распространялась по окрестностямъ горныхъ хребтовъ: Алтайскаго вѣ Китай, и Ханхайскаго и Инъ-

---

1) Аммианъ Марцеллинъ былъ почти современникомъ нашествія Гунновъ, послѣдовавшаго въ 376 году.

2) *Nouveau Voyage dans les gouvernemens de l'Empire de Russie dans les années 1793 et 1794*, par P. S. Pallas. Paris, 1801. T. 1, p. 372 et 373.

3) «Энциклопедическій Лексиконъ», 1838, Т. XV, стр. 429, гдѣ, въ началѣ статьи о Гуннахъ, сказано: «Гунны, народъ сборный, состоявшій изъ разноплеменныхъ поколѣній, покоренныхъ однимъ поколѣніемъ, которое, кажется, было финское, жилъ, въ началѣ христіанской эры, около Волги и Урала, откуда потомъ двинулся съ страшною силою на Римскую Имперію, при царѣ своемъ Аттілѣ». Между-тѣмъ видимъ изъ исторіи: 1) что Гунны задолго до Аттілы, именно въ 376 г. по Р. Х., появились уже на Дону и, послѣ пораженія и, частью, изгнанія оттуда и съ береговъ Азовскаго Моря обитавшихъ тамъ Готовъ, заняли ихъ мѣста; 2) что въ 382 году къ царю ихъ, именемъ Довату, было посольство отъ Римлянъ; и 3) что по коварномъ умерщвленіи его, преемственно были царями у Гунновъ: Харатювъ, Руа и Мундзикъ, отецъ Аттілы, родившагося въ 406 году. (Извѣстія Византійскихъ Историковъ и проч. Штриттера, Ч. II, стр. 64—73).

шань на его границахъ; восточная же занимала съ запада всю нагорную полосу между песками (Шамо) и землею Тунгусовъ, отъ Корейскаго Моря до хребта Хинганскаго.

«Родоначальникъ владѣтелей западныхъ Монголовъ, или Хунновъ, по имени Шунъ-Вэй, происходилъ отъ китайскаго царствующаго дома Хя-хэу. Онъ, вышедъ изъ Китая, водворился между ними на сѣверѣ. Восточныя Монголы издавна находились подъ владычествомъ одного и того же дома Дунъ-ху.

«Нападенія Хунновъ на пограничныя области Китая нѣсколько разъ вызывали непріязненныя дѣйствія Китайцевъ, бравшихъ всегда надъ ними верхъ. Напослѣдокъ посланный противъ Хунновъ, китайскій полководецъ Мынь-Тхянь прогналъ ихъ въ дальній сѣверъ, и они не смѣли возобновлять своихъ набѣговъ до тѣхъ-поръ, доколѣ не избрали своимъ владѣтелемъ храбраго Модэ. Этотъ Модэ, покоривъ нѣсколько пограничныхъ областей Китая и уничтоживъ властителя восточныхъ Монголовъ, возвратилъ всѣ земли, отнятыя у Хунновъ Мынь-Тхянемъ, и сдѣлался опаснымъ соперникомъ Китайцевъ.

«По сложеніи съ себя владѣтелемъ Дунъ-Ху ханскаго титула, восточные Монголы стали постоянными данниками западныхъ и платили имъ ясакъ, до новаго порабощенія ихъ самихъ (за 121 г. до Р. Х.) китайскимъ военачальникомъ Яо-Кюй-Бинъ и переселенія ихъ за границу области Джи-ли, откуда, однакоже, по усиленіи своемъ, не переставали они тревожить набѣгами Китай. Долго спустя, терпѣливые Китайцы приняли противъ нихъ рѣшительныя мѣры. Послано было (въ 206 г. по Р. Х.) войско, подъ предводительствомъ храбраго Цао-Цао и они покорены уже окончательно.

«Между-тѣмъ вскорѣ возстаютъ противъ Китая новые сильнѣйшіе враги. Это одно изъ поколѣній восточныхъ Монголовъ, отдѣлившееся отъ нихъ, еще во время побѣды, одержанной западными Монголами надъ Дунъ-Ху, на южную сторону рѣки

Шара-мурянь, въ окрестности горъ Сянь-би, которыхъ имя усвоили они и себѣ. Хотя властители ихъ были всегда данниками Китая, и даже одинъ изъ нихъ, именемъ Шегуй, за оказанныя услуги въ войнѣ, получилъ отъ Китайцевъ почетный титулъ Цань-Юя, сынъ и преемникъ его Муюнь-Хой былъ образованъ китайскими учителями и счастливо велъ войну съ сосѣдственными народами, а внукъ его Муюнь-Хуанъ достигъ самой Кореи: не смотря на то, однакожь, преемникъ послѣдняго, Муюнь-Цзюнь обнаружилъ старые замыслы своихъ предковъ противъ Китая и не захотѣлъ быть болѣе подъ его властью. Онъ, собравъ до двухъ сотъ тысячъ лучшихъ ратниковъ, повелъ ихъ противъ Китайцевъ и, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ поражений, занялъ самый Пекинъ (въ 350 г. по Р. Х.), предавъ казни взятаго въ плѣнъ хана Джань-Миня, природнаго Хунна изъ дома Джао и, по предложенію чиновъ, принялъ его титулъ. Прибывшему въ то время, еще къ Джань-Миню, посланнику отъ китайскаго владѣтельнаго дома Цзинь, Муюнь-Цзюнь, въ оправданіе своего насильственнаго завладѣнія Пекиномъ, сказалъ: «По возвращеніи, допеси своему Сыну Неба (хану), что Срединное Государство (сѣверный Китай), не имѣя достойнѣйшаго человѣка, избрало меня ханомъ».

Изъ всего этого можно, кажется, заключить, что предки Гунновъ, если они же и Хунны, обитали въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ донынѣ встрѣчаемъ еще такъ-много кургановъ, сходящихъ съ дикпровскими, равно какъ и другихъ загадочныхъ памятниковъ древности, совершенно чуждыхъ нынѣшнимъ обитателямъ тамошняго края. Очевидно, что когда восточные Монголы, бывшіе постоянными врагами Гунновъ, овладѣли сѣвернымъ Китаемъ и, по умерщвленіи хана изъ ихъ рода, возвели своего, для Гунновъ болѣе ничего не оставалось, какъ, во избѣжаніе порабощенія, или совершеннаго истребленія, покинуть тамошнюю страну, при всѣхъ ея выгодахъ для кочевой жизни, и искать другой, болѣе безопасной, даже въѣ

предѣловъ Азіи. Такимъ образомъ, блуждая по смежнымъ съ Сибирью степямъ и, далѣе, въ тогдашнихъ пустыняхъ по Волгѣ и Камѣ, достигли они до побережій Азовскаго и Чернаго Мореѣй, гдѣ, найдя какъ бы подобіе прежней своей страны — край столь же веселый и привольный, даже еще съ болѣе умѣреннымъ климатомъ — рѣшились водвориться въ немъ. Но какъ край этотъ дорогъ былъ и для туземцевъ, то должно было съ ними помѣряться силами — за чѣмъ не стало дѣло у пришельцевъ, основывавшихъ притязанія свои единственно на правѣ сильного: они легко овладѣли страной, истребивъ и прогнавъ ея жителей, но, по враждебному своему духу, не могли ужиться мирно съ ближними и дальними сосѣдями, затѣвая съ ними безпрестанныя войны. Наконецъ одинъ изъ ихъ властителей, ужасный Аттила, прозванный бичемъ Божиимъ (*flagellum Dei*), съ ними и союзниками ихъ, такими же варварами, привелъ въ трепетъ почти павшій уже тогда Римъ и всю западную Европу. Огонь и мечъ были ихъ спутниками, повсемѣстное опустошеніе ознаменовывало повсюду слѣды ихъ. Къ счастью, владычество Аттилы тяготѣло надъ міромъ не болѣе 20 лѣтъ и алчная къ завоеваніямъ душа его была доступна и другимъ человѣческимъ помысламъ. Влюбившись въ Гильдегунду (Ильдику), дочь какого-то германскаго вождя, онъ женился на ней и первая брачная ночь была послѣднею въ его жизни. Гильдегунда умертвила его соннаго (въ 454 г.), на 49 году жизни. Вскорѣ по смерти Аттилы, полчища его разсѣялись и самое имя Гунновъ исчезло.

Но возвратимся къ нашему предмету.

По ближайшемъ сравненіи кургановъ указанныхъ нами мѣстъ, предположеніе объ однородствѣ ихъ соорудителей получаетъ еще болѣе вѣроятности. Хотя неизвѣстно, чтобы днѣпровскіе или другіе тамошніе курганы заключали въ себѣ такія дорогія металлическія вещи, какъ сибирскіе, все же вещи эти имѣли такое же значеніе и зарытіе ихъ съ покойниками

было слѣдствіемъ, вѣроятно, одинаковаго обыкновенія. Поставляемыя на курганахъ изваянія, или статуи, еще болѣе свидѣтельствуютъ въ пользу такого мнѣнія. Онѣ, можетъ быть, въ окрестностяхъ Азовскаго Моря и на днѣпровскихъ степяхъ, отчасти служили и для отличенія самыхъ могилъ отъ сооруженныхъ Скиѳами, или другими, обитавшими здѣсь, народами, которые также имѣли обычай дѣлать высокія насыпи надъ тѣлами умершихъ, но не ставили надъ ними никакихъ памятниковъ и не дѣлали этого, можетъ быть, вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ побудительныхъ причинъ. Отсюда долженъ происходить и самый избытокъ тамъ этихъ статуй, противъ Сибири; а менѣе грубая отдѣлка не зависѣла ли отъ самаго свойства камней (какъ было мною уже нѣкогда замѣчено): здѣсь они чаще известковые, въ Сибири же гранитъ и песчаникъ, по твердости своей, не столь удобные къ обработкѣ ¹⁾).

Изъ статуй, поставленныхъ на курганахъ, особливо въ Сибири, не смотря на ихъ каррикатурность, всегда ясно можно отличать мужскія отъ женскихъ. Почти всегда замѣтны въ лицахъ монгольскія черты, хотя обезображенные и не искусною рукою производителей, и самымъ временемъ, при свободномъ дѣйствіи на нихъ воздуха. Нѣкоторыя изъ статуй представляютъ совершенное олицетвореніе какого-нибудь Аттилы, вождя Гунновъ, который, по словамъ Юрнанда, имѣлъ голову большую, цвѣтъ лица смуглый, носъ плоскій, небольшіе сверкающіе огнемъ глаза, былъ почти безбородъ и, при посредственномъ ростѣ, имѣлъ широкую грудь и короткій станъ ²⁾).

Для сравненія сибирскихъ древнихъ курганныхъ статуй съ великорусскими, представляю здѣсь нѣкоторыя изъ тѣхъ и другихъ, сохранившіяся до нашего времени.

---

1) «Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей». Одесса, 1844 г. Ч. I, стр. 393.

2) Iornandes, de rebus Gothicis c. 53.

а. Древнія статуи Сибирскія.

(Табл. I.)

Въ предѣлахъ Алтайскихъ Горъ.

№ 1. Воинъ, отличающійся длинными усами и страннымъ нарядомъ. Онъ изсѣченъ изъ гранита, держитъ въ правой рукѣ, противъ груди, сосудъ, въ родѣ обыкновенной чашки, а въ лѣвой — мечъ, повидимому въ пожняхъ, съ двумя сверху зубцами. Эта статуя вывезена была, въ мое время, изъ Алтайскихъ Горъ въ Барнауль, гдѣ и срисована.

№ 2. Статуя нагой женщины, съ цилиндрическимъ сосудомъ въ рукахъ: она стоитъ еще на курганѣ, при устьѣ рѣчки Пихтовки, впадающей въ Чарынъ съ лѣвой стороны, близъ самаго верховья.

№ 3. Та же статуя въ боку.

На Салайской степи, въ верховья Енисея.

№ 4. Каджи-ташъ, на языкѣ кочевыхъ инородцевъ — мужчина-камень; вытесанъ изъ краснаго песчаника; прежде стоялъ на курганѣ, близъ устья рѣчки Аскыса, впадающей слѣва въ Абаканъ; теперь лежитъ на землѣ. На передней сторонѣ изсѣчено грудное изображеніе мертваго человѣка, держащаго въ правой рукѣ нѣчто кругловатое, а въ лѣвой, у самой груди, цилиндрическій сосудъ. Съ праваго бока камня изображено ухо покойника; ниже — родъ копья или древка съ значкомъ, раздѣленнымъ на три лопасти, по срединѣ скобка, снизу птичка надъ треугольникомъ, пересѣченнымъ двумя поперечными чертами; еще ниже какое-то животное, обращенное вправо, и подъ нимъ сидящій младенецъ, съ чашкою въ рукахъ. Съ лѣваго бока — другое ухо покойника и подъ нимъ нѣчто неясное; въ самомъ низу прежнее животное; впереди его —